

Максим Шелехов

Фарисеевна

Максим Шелехов
Фарисеевна

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Шелехов М. Ю.

Фарисеевна / М. Ю. Шелехов — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Повесть о женщине «в высшей степени» благочестивой и благовоспитанной, крайне положительной и примерной, о верной прихожанке одного поселкового Храма, о бесподобной Савко Зое Игоревне, которая в один ненастный, в один несчастный для себя день, к удивлению и ужасу собственному, призвала черта! "Черт возьми!" - вдруг вырвалось у нее. Чтобы понять весь "трагизм", всю невозможность этого, на первый взгляд, рядового происшествия, необходимо познакомиться ближе с безусловной героиней данной повести. Также будет интересно узнать, во что выльется этот неожиданный призыв, и чем случившаяся неприятность для Зои Игоревны обернется.

*Распустили про одного монаха слух,
что он святой. И все даже в глаза ему говорили это.
А он все называл себя грешным
и при этом смиренно кланялся всем.
Но вот раз он кому-то по обыкновению своему сказал:
«я грешный», а тот ему в ответ: «знаю, что ты грешный».
– Он так и встрепенулся:
«как? Разве ты что-нибудь про меня слышал?»
(преп. Амвросий Оптинский).*

В шестом часу пополудни медсестра —овской поселковой больницы Зоя Игоревна Савко, женщина знаменитая своей всегдашней альтруистической настроенностью и глубочайшей внимательностью к пациентам, женщина, что важно, замечательно благочестивая, верная прихожанка —овского православного храма имени... просим простить, запомнили чьего точно имени, главное, что дама аккуратнейшая в соблюдении постов, наглядный пример кротости и молитвенной сосредоточенности во время церковной службы, дома заботливая мать и крайне обходительная супруга, возвращаясь домой с работы, как-то вдруг и совершенно неожиданно для самой себя, как, кажется, и для всего мира, призвала черта! Эта немислимая, на первый взгляд, невероятная оказия все же имела место приключиться, став следствием неудачного соприкосновения каблука Зои Игоревны с одной из многочисленных поселковых тротуарных выбоин.

– Черт возьми! – сказала она, споткнувшись.

Если бы кому-нибудь здесь представилось обнаружить страшно изменившееся лицо и, будто обожжённый раскаленною золой осенний лист, мигом покособившуюся фигуру почтенного поселкового лекаря, тогда этому кому-то, несомненно, пришлось бы стать свидетелем невыразимых страданий человеческих! коих не перенести на лист, и ему же, будь он даже последний злодей в душе, не удалось бы сдержать в себе неукротимый прилив сочувствия. Но не было и злодея вблизи Зои Игоревны. Она в полном одиночестве стояла посреди моста, всего в метре от злосчастной выбоины, поглощая тусклым взором, размытым слезами отчаяния, две рельсы, бегущие вдаль и постепенно растворяющиеся в нависших тонкой пеленой влажных ноябрьских сумерках.

Надо полагать, что было отчего сокрушаться Зое Игоревне. Следовало бы нам ближе знать Зою Игоревну, чтобы иметь возможность понять всю степень ее отчаяния, вызванного таким, на первый взгляд, рядовым происшествием. Не лишним бы было нам проникнуться совершенно, с какою ревностью, с какой бескомпромиссной решимостью к бесповоротному оставлению всякой греховной провинности привыкла обращаться эта богоугодливая женщина. Но, к сожалению, сколько преуспеть удалось Зое Игоревне в делах милосердных, как далеко стоит Зоя Игоревна на пути к истинному благочестию, нам, как бы то следовало, не освидетельствовать, мы, к сожалению, так далеко не видим. Все, что остается нам, с нашей скромной точки духовного развития, это руководствоваться теми точными сведениями, которыми мы имеем счастье располагать о Зое Игоревне, и уже из сего весьма незначительного материала дерзнуть войти в положение этой знаменитейшей в —овске подвижницы.

Известно нам, что с наступлением ноября начались для Зои Игоревны неприятности. Первого числа ей, как «пожилой женщине», уступили место в автобусе, уступил мужчина, годами едва ли не старше ее. Весьма встревоженная этим обстоятельством, Зоя Игоревна дома с исключительным вниманием обратилась к зеркалу, в коем с неприятностью засвидетельствовала небывалое обилие седины на своих волосах! Поразительной показалась не седина Зое Иго-

ревне, седине и надлежало присутствовать, по разумению ее обладательницы, – поразило обилие. Впрочем, следовало ожидать... Однако, в таком количестве! – можно ли было думать?..

Все дело в том, что в середине октября, то есть, где-то за две недели до того, как было уступлено место в автобусе Зое Игоревне, благочинный Г* Епархии наложил на Зою Игоревну епитимию, чтобы не красить ей волосы вовек, и сделал то по собственной просьбе Зои Игоревны. Что происходило следующим образом:

Был храмовый праздник. Ждали присутствия благочинного с особым оживлением. Наконец заговорили: «приехал, приехал!» Под благословение выстроился людской коридор. Благочинный, согбенный старик, с нависшими на глаза бровями козырьком, производя неспешное свое шествие по периметру, удостоил вниманием более ста человек народу. Зоя Игоревна, как прихожанка храма первая и несомненнейшая, уже перед самым иконостасом последней обращалась за благословением к благочинному. Благоговейный трепет отображало лицо Зои Игоревны, когда она привлекала к устам своим предложенную ей руку, но, в то же время, она смотрела знакомко. Благочинный, однако, не ответил ей на вопрос о здоровье (не расслышал, что ли?) и никаким образом не отличил ее вниманием, подав руку под благословение точно так, как и прочим. Зоя Игоревна казалась разочарованной. Праздничное настроение было испорчено. Служба проходила вяло и скучно, все вокруг были точно сонные мухи, будто не Богу пришли хвалу поднести, а отбывали повинность. Одна она, Зоя Игоревна, была, как всегда, усердною в молитве, на молебне по памяти говорила вперед батюшки, «Царю Небесный» пропела громче остальных.

До начала заупокойных молитв вновь выстроились проводить благочинного, за повторным благословением, которое никогда и ни при каком условии, конечно, не может быть лишним. Зоя Игоревна, разумеется, среди прочих, на самом видном месте, у выхода. Вновь должное подобострастие в движениях и чертах.

– Удостойте благословением великую грешницу, – сказала Зоя Игоревна с тем выражением лица, которое демонстрирует обратное произносимому. Благочинный, однако, с неприступным его чину легкомыслием, понял адресованное ему обращение буквально. Почти не поднимая головы, он прокряхтел: «В чем твой грех, сестра?». Зоя Игоревна проявила себя обескураженной. Подумав, что благочинный, по старости лет и по болезни глаз, лишился способности узнавать знакомцев, она представилась. Но и услышанное им имя (странно, очень странно, было обидно и странно) не возмутило благочинного никаким образом, он повторил свой вопрос: «В чем твой грех, сестра?». Зоя Игоревна, немножко смешавшись, все же достала в себе возможности улыбнуться снисходительно, как улыбаются на малое несмышленное дитя (побуждали к чему преклонные лета благочинного). Но, вместе с тем, она продолжала быть в центре внимания, и необходимо было держать ответ, но на беду (и что весьма естественно) никакой ее грех ей в голову не приходил. Зоя Игоревна уже думала какой грех себе выдумать, за который проступок, несомненно, в этот же день исповедовалась бы пред своим духовником, но в самый этот момент выпавший черный красивый локон из-под скромной ее косынки, который она тут же поспешила поправить, навел ее на мысль.

– Я крашу волосы, благочинный, – отвечала Зоя Игоревна с таким отчаянием в голосе, и с такой тоскою во взгляде, чего верно не повторить будет и во всем раскаявшейся блуднице, если предположить такое. Благочинный заметно смешался, и если не сам он, то весь вид его за него отвечал, что, может, не стоит провинность печали. Зое Игоревне понравилась реакция благочинного.

– Наложите на меня епитимию, чтобы не красить мне волосы вовек, – произнесла она апокалиптически. Все вокруг смотрели на Зою Игоревну такими глазами, будто она добровольно шла на сожжение, – так она видела, и мы не имеем повода усомниться, что так оно было на самом деле.

Более двух недель Зоя Игоревна никаким образом не тяготилась своей епитимией. И вот первого числа ее годов видного такого мужчину в автобусе прилюдно совестят за то, что он, точно тот тюлень, сидит сиднем, не додумается *пожилкой женщине* (ей, Зое Игоревне) место уступить. – «Это меня лукавый испытывает!» – час спустя, дома, заключает Зоя Игоревна, в сердцах отмахиваясь от зеркала.

Однако отмахнувшись от собственного отражения, Зоя Игоревна не могла удалиться проблемы. С каждым днем и с каждым часом, а позднее и чуть не поминутно седина «на глазах» распространялась по Зои Игоревны голове. Несчастливая женщина была вынуждена завесить все зеркала в своем доме. Но на работе, но в магазине из застекленных витрин, но из самих луж на мокрых улицах неизбежно приходило для Зои Игоревны напоминание о наложенной на нее епитимии. На век! Не единожды в этот период во сне Зою Игоревну посещали бесы. Они, такие маленькие, размером с ладонь, с рожками и крылышками, являлись к ней цирюльниками и целым роем, копошась у изголовья, каждый по локону, завивали и красили ее густые, на редкость красивые волосы. Потом, сделав дело, они поднимали с постели Зою Игоревну и подводили ее к, почему-то вдруг, ничем не покрытому зеркалу, для отчетности. Зоя Игоревна первое время, как зачарованная, чрезвычайно оставалась довольной, любовалась и нравилась себе очень, но потом, она приходила в себя, гнала прочь бесенят и спешила смыть с волос краску. Проснувшись от такого сна, Зоя Игоревна первым долгом бросалась освидетельствовать, было ли только сном происходившее с ней ночью. Иногда возникали у нее на сей счет сомнения, когда она, на секундочку отодвинув краешек накидки, покрывавшей зеркало, одним глазком наблюдала, вполне вероятно, что знакомый ей волос – вот тут, возле родинки на виске – совсем почти черным, тогда как с вечера, Зоя Игоревна точно это помнила, был он совсем почти седым, что значило: не осталась ли на волосе краска, следствие работы ночных посетителей?

Но даже бесенята-цирюльники не доставляли столько неудобств и беспокойства Зое Игоревне, сколько присутствие молодого человека по ту сторону стола, в докторском кресле. С прежней Тамарой Емельяновой, прошлым годом вышедшей на пенсию, Зое Игоревне, надо полагать, в сложившейся ситуации работать бы было куда спокойнее. А так, стала она даже путать рецепты от внутреннего волнения своего. Нельзя было отделаться от ощущения, что тридцатисемилетний Олег Александрович как-то оценивающе на нее смотрит, как-то явно не в ее пользу. А в четверг так прямо сказал: «Что-то вы неважно выглядите, Зоя Игоревна», – так прямо и сказал; еще что-то говорил после, интересовался о здоровье что ли, что ли домой предлагал пойти, но Зоя Игоревна ничего перед собой уже не видела, и ничего она не слышала, у нее началось головокружение. В пятницу она на работу не вышла, невозможно было ей выйти, – она сообщила, что заболела. Зоя Игоревна находилась в колоссальном расстройстве душевном. Хотелось ей с кем-то поделиться, обнаружить свой недуг, но, на беду, Зою Игоревну окружают всё такие люди! – Дочь отступница, муж пьяница бывший, теперь больной человек, не умеющий найти общий язык с Зоей Игоревной, мать – выжившая из ума старуха, две подруги – две ядовитые змеи, сплетники соседи, и вообще во всем поселке не найти другого достойного человека, родственной души. Один сынок, младшенький, мамина услада и потеха, да мал еще слишком в столь взрослых делах служить маменьке конфидентом.

И уже тогда, как Зоя Игоревна собиралась вконец отчаяться, случилось с ней одно благодетнейшее обстоятельство. Приснился ей блаженнейший сон, от которого она встала точно обновленная, словно пронизанная как будто снизошедшей на нее благодатью. Была как раз суббота Димитриевская, день поминовения усопших. В этот день появилась Зоя Игоревна в храме такую, какую ее давно там не видели. С откровением библейских пророков в лице, с благодарственной молитвой на устах и тихими слезами кроткой радости, перво-наперво она преклонила колени перед образом Пресвятой Богородицы. Не забыты были и прочие святые, все, сплошь до единого, чьи иконы представлены на стенах поселкового храма. Как было многими

замечено, вслед за Божьей Матерью, предпочтение было отдано Николаю Чудотворцу Зоей Игоревной. Она долго стояла с какой-то очарованностью в лице перед большой иконой обрамленную резной позолоченной рамой, то и дело озираясь и как будто ища глазами поддержки у остальных прихожан, как будто спрашивая, видят ли они то же, что видела она. Все видели образ Святителя Николая, таким, каким привыкли его видеть; но Зоя Игоревна, кажется, в этот день смотрела от всех другими глазами.

Наконец настало время обратиться ей к Аграфене Афанасьевне, заведующей церковной лавки.

– С субботой Димитриевской, Аграфена Афанасьевна! – говорила Зоя Игоревна, с интонацией голоса, кроме приветствия, еще выражающей пожелание «всего самого наилучшего!» Аграфена Афанасьевна, в свою очередь, приветствовалась несколько суше, у нее еще оставался осадок от недавней ее размолвки с Зоей Игоревной. Зоя Игоревна же, про себя хоть и продолжала быть верной своему убеждению, что в —овском поселковом храме образовалось настоящее кубло, главной змеей которого является никто иная, как Аграфена Афанасьевна, все же, в настоящую минуту, находила в себе возможность «любить врага своего, как самого себя» и была готова подставить также и левую щеку. Она продолжала улыбаться самым любезнейшим образом.

– Мне панихидку заказать, Аграфена Афанасьевна, – произнесла она дружелюбно.

– С вас пятнадцать гривен, Зоя Игоревна.

– В списочек занесите, Аграфена Афанасьевна.

– На вас уж и без того триста шестьдесят четыре гривни записано, Зоя Игоревна.

– И еще четыре свечечки извольте пожаловать, Аграфена Афанасьевна.

– Зоя Игоревна?

– На будущей неделе за все с вами рассчитаюсь.

– За все? – сомневалась Аграфена Афанасьевна.

– За все, – утвердительно отвечала Зоя Игоревна, продолжая любезно улыбаться своей недоверчивой и скрупулезной оппонентке.

Потом Зоя Игоревна обратилась вниманием к своей поклаже, поочередно доставая оттуда и препровождая на канон: хлеб, плетенную маковую булку, триста грамм конфет «взлетных», триста грамм конфет шоколадных, печенье молочное и печенье «Буратино» – также по триста грамм, бутылку подсолнечного масла, килограмм сахара и килограмм гречневой крупы. Опорожнив сумку, Зоя Игоревна с великим прилежанием ровным, крупным почерком принялась заполнять записку с поминовением усопших. Первым долгом вспомнила она всех знакомых ей иноков, почивших в Бозе, помазанников Божьих, записала имя родителя своего Александра, уронив на последние три буквы большую, горькую слезу, размыв таким образом «дра», записала имена прочих покойных родственников, – не достало места ей вписать имя двоюродной тетки с Ейска. Вновь нелегкий диалог с нелюбезной Аграфеной Афанасьевной и другая записка. Затем началась служба...

По окончании Парастаса, священнослужитель —овского храма, отец Иоанн, обратил внимание на образовавшуюся группу прихожан у иконы Николая Чудотворца. Так как был не день памяти сего святого, отец Иоанн решил полюбопытствовать о причине собрания. Подойдя поближе и обнаружив, что организатором сходки выступает Савко Зоя Игоревна, он уже собирался потихоньку ретироваться, но был замечен и был остановлен.

– Батюшка Иоанн, батюшка Иоанн! – к нему обращалась сама Зоя Игоревна. – Подойдите поближе и взгляните только на образ Николая Угодника!

Перед батюшкой расступились, он подошел вплотную к иконе. Посмотрел под одним, под другим углом.

– Что не так, Зоя Игоревна? – не мог понять священнослужитель.

– Борода! Батюшка, разве вы не видите!

Отец Иоанн, на минуту сконцентрировав все свое внимание теперь уже исключительно на бороде Святителя, вновь вынужден был развести руками, показывая, что ничего необыкновенного он в иконе не обнаруживает.

– Борода! – в каком-то даже пароксизме восторга повторила Зоя Игоревна. – Борода Николая Чудотворца, я всем показываю, смотрите, как у нашего батюшки, – какой стала пышной! Пышнее чем была ранее, смотрите!

Отец Иоанн повел вокруг себя глазами, как бы призывая к опровержению. Но никто из присутствовавших, похоже, не находил повода подвергнуть сомнению замечание Зои Игоревны.

– Да вы что, сестры! – подивился отец Иоанн (вкруг него всё были женщины). – В самом деле вы, что ли? – Потому как, может, батюшка выражался неясно, вероятно поэтому, сестры не находили, что батюшке ответить, а потому как голос его был суров, стояли они, как виноватые, понуриив головы. Одна Зоя Игоревна продолжала смотреть перед собой невозмутимо и твердо.

– Что же, – не находил боле аргументов мягкосердечный и быстро отходчивый батюшка, – что же, сестры, благословляю вас со дня сегодняшнего и на каждый день, после службы, читать акафист Святителю. И сам задал тон: «Возбранный Чудотворче и изрядный угодниче Христов, миру всему источаяй многоценное милости миро...» – Сестры, погрузившись в свои молитвословы, продолжили за батюшкой с великим воодушевлением. Зоя Игоревна почти физически ощущала, как снисходит на нее благодать. Отец Иоанн, воспользовавшись минутой, поспешил удалиться.

Спустя три четверти часа выходил священнослужитель из алтаря чуть не крадучись. Акафист боле не читали, все было тихо, он посмотрел направо, налево – никого. Протоирей Иоанн облегченно выдохнул. Прошел неспешно в другой конец храма, наслаждаясь тишиной и прислушиваясь к эху собственных шагов. Обратился к Аграфене Афанасьевне, приводящей в порядок в церковной лавке бухгалтерию:

– Афанасьевна, что там, во сколько крещение?

– На час, батюшка, записано, – отвечала Аграфена Афанасьевна подобострастным голосом, визуально в росте уменьшаясь при этом. – Младенцы Марк и Матвей.

– Хорошо, Афанасьевна, хорошо, – довольно отвечал протоирей, – будет часок вздремнуть.

– Только...

– Афанасьевна? – насторожился отец Иоанн.

– Вас там Савко дожидается.

– Зачем? Не может быть! Скажи, Афанасьевна, не могу...

– Батюшка Иоанн! – входит Зоя Игоревна, как на крыльях, точно не стояла на службе. – Батюшка Иоанн, нуждаюсь в аудиенции, – в шуточной форме, по-свойски оповещает она...

Батюшка Иоанн в разговоре с Зоей Игоревной имел привычку терять свою степенность и важность и говорил с нею, как будто стесняясь, избегая встретиться глазами, как будто ему было неловко. Ну, все же она не рядовая какая-нибудь прихожанка, – как-то объяснила себе Зоя Игоревна поведение отца Иоанна, и раз утвердившись на этой симпатичной для нее мысли, уже не подымала про себя этот вопрос.

Разговор происходил в батюшкиной опочивальне: небольшом помещеньице, густо обставленном комнатными растениями и содержащем в себе удобный мягкий диван и менее удобное кресло. Зоя Игоревна расположилась на диване, протоирей нашел себе место от нее напротив, на стуле, удаляясь всяких удобств.

– Батюшка Иоанн! – говорила Зоя Игоревна, – вам известно, конечно, что в храмовый наш праздник, досточтимый наш гость, благочинный, снизошел наложить на меня епитимию! – Зоя Игоревна говорила с большим волнением и с необыкновенно серьезным видом, подчеркивая чем всю серьезность обсуждаемого ею события. – Которую, – разумела она епитимию, –

вот уже более трех недель... вы сами можете видеть (Зоя Игоревна демонстративно оправила на голове косынку), – епитимию, которую более трех недель соблюдала я непоколебимо и со всей строгостью. Хотя я была со всех сторон искушаема, батюшка, – Зоя Игоревна посмотрела перед собой доверительно и, подавшись вперед, понизила голос до полупшепота. – Даже бесы выступали предо мной искусителями, – произнесла она. Отец Иоанн склонил голову еще ниже и забегал пальцами по складкам рясы, которая, как ему показалось, может быть, на нем сидела нехорошо. Зоя Игоревна тем временем продолжала:

– Да! Я была искушаема бесами, они ко мне приходили по ночам. (У батюшки запершило в горле). – Приходили цирюльниками, красить мне волосы. (Батюшка еще гуще закашлялся). Но я не позволила... Батюшка, вы не здоровы?

– Нет-нет, продолжайте, Зоя Игоревна. Только... кхе-кхе... у меня мало времени. У меня, Зоя Игоревна, крещение.

– Так, может, я после?..

– Нет уж, Зоя Игоревна, лучше все сразу и сейчас!.. Кхе-кхе.

– Мне очень, батюшка, неудобно, что я вас беспокою...

– Пустое, Зоя Игоревна.

– Но, при сложившихся обстоятельствах, что не терпят отлагательств...

– Прошу вас, продолжайте, сестра!

Зоя Игоревна, оправившись, приняла такое выражение, которое обещало многое.

– Со мной случилось чудесное, батюшка Иоанн, – произнесла она вдохновенно. – Ко мне сегодня в ночи приходила Богородица...

Впечатлительный батюшка откинулся на спинку стула, определив руку в район сердца.

– Во сне, – продолжала Зоя Игоревна. (С противоположной от нее стороны послышался облегченный выдох.) – В тонком сне, – уточнила она. Отец Иоанн наложил на лоб ладонь, как будто пробуя температуру.

– Заступница явилась ко мне точно такую, какая она на иконе «Достойно есть», такую же прекрасною. Она пришла утешать душевную мою рану. Я упала пред ней на колени, простерла руки. Она смотрела на меня, так... как Она только умеет смотреть, знаете? (Батюшка со всем соглашался.) А потом... потом она скинула с головы свой мафорий и распустила волосы. Волосы Богородицы были черные, как смоль, неестественного окраса, понимаете? (Батюшка понимал.) Я смотрела на Нее удивленно и вопросительно. Богородица благосклонно улыбалась мне. Когда я проснулась, икона «Милующая», над моею кроватью, сияла таинственным светом. И я ощутила вдруг душевную свободу, принесшую с собою сердечную радость. – Проговорив все это, Зоя Игоревна сделала красноречивую паузу и посмотрела перед собой умиленно и вдумчиво. Две слезинки скатились по ее разгумявшимся щекам.

– Как вы считаете, произошедшее со мною событие, что оно должно означать, батюшка Иоанн? – наконец спросила она.

– Что должно означать произошедшее с вами событие, Зоя Игоревна?

– Не значит ли это, что я могу быть свободна от наложенной на меня епитимии, если Сама Пресвятая Дева, пришедшая ко мне в ночи, дала на то знак?

– Если уж Сама пресвятая Дева приходила к вам в ночи...

– И дала на то знак, – подсказывала Зоя Игоревна.

– Кхе-кхе, – опять закашлялся батюшка. – И дала знак... Кхе-кхе... Вы, верно, от меня хотите...

– Я хочу, чтобы вы сами рассудили, – подхватила Зоя Игоревна. – Во-первых, бесценный наш благочинный, при всех его неисчислимых добродетелях, пребывает в таких летах... Он ведь даже не узнал меня, батюшка, представьте, и, стало быть, я выступала перед ним совершенною незнакомкой. При всем при этом решиться на такое серьезное предприятие, согласитесь, по меньшей мере, легкомысленно...

– Но вы ведь сами, кажется, Зоя Игоревна... – попытался вставить отец Иоанн.

– Не мне вам говорить, – продолжала Зоя Игоревна, – не мне вам говорить, батюшка, что не всякая епитимия служит делу врачевания душевных ран, и, может быть, в первую очередь оттого, что назначает ее не «лечащий врач». В той же статье, откуда я имею дерзновение цитировать, батюшка, говорится, что только духовник сможет оценить меру духовной пользы епитимии, и, следовательно, полезность ее назначения.

Зоя Игоревна смотрела перед собой выжидающе. Скромный протоирей не смел нарушить молчание.

– Батюшка? – сказала Зоя Игоревна.

– Зоя Игоревна? – отвечал отец Иоанн.

– Я думаю если Сама Богородица?..

– Несомненно, Зоя Игоревна.

– Вы так считаете?

– Разумеется.

– Прекрасно! – просяла Зоя Игоревна. – Я, признаться, с вами солидарна, батюшка. Впрочем, я готова была всю жизнь свою выполнять наложенную на меня обязанность, но так как вы, мой духовник, считаете нецелесообразным... я, конечно не могу не покориться... К тому же Сама Богородица...

– Кхе-кхе, – кашлял батюшка.

– Акафист Заступнице в честь иконы ее «Достоинно есть» я прочла, батюшка.

– Можно ли было сомневаться, Зоя Игоревна...

– Теперь неделю я попошусь.

– Нужно ли, Зоя Игоревна, великий пост грядет, тогда мы все...

– Что вы, батюшка, я хочу в пост войти совершенно очищенной.

– Ну да, ну да, действительно, что это я!

– В общем, в будущий воскресный день я к вам с исповедью... и причастимся?

– И причастимся, – отвечал батюшка. – Ну а теперь, с Богом сестра! – продолжал он воодушевившись, поднимаясь со стула и предлагая руку, для благословения. – Ангела хранителя!

– Спаси Господи, – приняв благословение, говорила счастливая Зоя Игоревна. – Спаси вас Господи за ваши милости, батюшка Иоанн!

Нужно ли говорить, что всю последующую неделю пост Зоей Игоревной соблюдался наистрожайший. Кроме того, не хватит нам и двух листов распространиться о всех проделанных ею в этот период благодеяниях. И в самом деле, стоит ли пересказывать, как внимательна она была на работе с пациентами? – столько даже, что доктору не единожды приходилось умирять ее рвение. Но Зоя Игоревна, – будем справедливы и взглянем правде в глаза, – никак не может быть виноватой в том, что ее медицинский опыт вдвое превышает опыт ее молодого коллеги. Дома? Дома у себя Зоя Игоревна, как и всегда, выступала сущим ангелом. И вот, считай на финише такой образцовой недели, в пятницу, ноября 13-го, мы застаем ее на мосту, совершенно потерявшейся и развинченной от случайно вырвавшегося из ее уст восклицания. «Черт возьми!» – Что ни говори, а все же было от чего Зое Игоревне сокрушаться.

Но делать нечего, нужно продолжать дальше жить, – так решила про себя эта героическая женщина, отринув от перил моста, с тем вместе удаляясь роковой мысли. Электропоезд как раз промчался внизу, неся за собой с полдюжины пассажирских вагонов. Зоя Игоревна посмотрела ему вслед. «Боже упаси!» – произнесла она про себя, испустив вздох облегчения. Некоторого облегчения. На душе продолжало быть скверно у Зои Игоревны. Она сошла с моста. Домой ей было идти порядка двух километров, которых она, удрученная неприятными думами, могла и

вовсе не заметить, если бы многолетняя акация не повстречалась ей на полпути. Она посмотрела мрачным взглядом снизу вверх на раскидистую крону обнаженного дерева и тихим сухим голосом произнесла:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.